

ГОРДОН
ЧАЙЛД

РАСЦВЕТ

И ПАДЕНИЕ

ДРЕВНИХ
ЦИВИЛИЗАЦИЙ

ДАЛЕКОЕ ПРОШЛОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Гордон Чайлд

**Расцвет и падение древних
цивилизаций. Далекое
прошлое человечества**

«Центрполиграф»

Чайлд Г.

Расцвет и падение древних цивилизаций. Далекое прошлое человечества / Г. Чайлд — «Центрполиграф»,

Крупнейший специалист по древней истории профессор Гордон Чайлд в этой наиболее значительной своей работе предлагает оригинальную концепцию ранней истории человечества. Она основана на европейской точке зрения, согласно которой «главная традиция», оказавшая влияние на эллинистическое Средиземноморье, связана с Египтом и Месопотамией. В соответствии с намерениями и поставленными задачами Чайлд открывает свою книгу периодом каменного века и заканчивает упадком Римской империи. Автор ярко описывает жизнь первобытных народов периода палеолита, мезолита и неолита, прослеживает подъем культур железного века вплоть до достижения кульминации в результате объединения значительной части Европы благодаря деяниям Александра Великого. Завершается рассказ главой, содержащей точку зрения автора на закат и падение Древнего мира.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Гордон Чайлд

Расцвет и падение древних цивилизаций. Далекое прошлое человечества

Глава 1 АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ

Письменные источники содержат весьма отрывочные и неполные описания достижений человечества в различных частях света за последние пять тысяч лет. Подробно освещена лишь примерно сотая часть того времени, в течение которого продолжалась активная деятельность людей на нашей планете.

Возникающая на их основе картина откровенно хаотична, в ней трудно выделить какую-то общую систему и ведущие тенденции. Что же касается археологии, то ее история насчитывает всего лишь сотню лет. Поэтому в столь обширном пространстве, каким является дописанная история человечества, она выявляет только общее направление, фиксируя совокупность изменений, приведших к видимому результату.

История, подкрепляемая археологией вместе с предшествующей историей, становится продолжением палеонтологии и палеогеологии. Последняя изучает геологические материалы для определения эволюции различных видов живых существ в результате естественного отбора, а также процесса выживания и размножения в ходе их физического приспособления к изменениям внешней среды.

Человек считается последним в цепочке видов, его окаменелые останки встречаются лишь в самых верхних слоях геологических разрезов, так что он является высшим продуктом в проследенной учеными линии эволюции земных существ. Через предысторию можно проследить, как сохранялись и размножались первобытные люди путем улучшения орудий труда, обеспечивающего лучшее приспособление к окружающей среде и, соответственно, окружающей среды к воздействующим на нее сообществам людей.

Те же самые процессы археология способна проследить в историческое время, дополняя своими открытиями письменные источники в районах, где задержалось развитие письменной культуры. Не изменяя этой своей методике, она способна проследить вплоть до настоящего времени развитие тенденций, различающихся уже в предыстории.

Предмет нашего изучения, человек в широком смысле этого слова, преуспел в том, чтобы выжить и размножиться, в основном с помощью развития своих орудий труда и всевозможных приспособлений для выживания (начиная с жилища и одежды и кончая средствами транспорта), о чем я уже успел подробно доложить читателю в книге «Человек создает себя».

По сравнению с другими животными только благодаря своим орудиям и приспособлениям человек действует и существует во внешнем мире, добывает средства к существованию или даже приспособливает окружающий его мир к своим нуждам. В то же время набор таких приспособлений человека существенно отличается от того, чем владеют животные.

Последние носят все свое с собой, используя в качестве орудий части своего тела. Так, у кролика лапы позволяют ему копать норы, а клыки льва – умерщвлять его добычу, бобр использует свои зубы точно так же, как плотник свой инструмент. Чтобы поддерживать тепло в своем организме, большинство животных носят меховые (волосяные) «шубы». Черепаха переносит собственный «дом» на спине.

Человек не обладает подобным «снаряжением», те сходные с животными приспособления, что у него и были, он отверг в ходе эволюции – заменив их орудиями труда и дру-

гими искусственными приспособлениями, которые человек изготавливает, использует по мере надобности и выбрасывает. Так, он делает мотыги, кирки и лопаты для копания, оружие, чтобы убивать дичь и врагов, топоры и тесла, чтобы рубить и обрабатывать дерево, изготавливает кирпичи или обтесывает камни, стремясь обеспечить себе кров.

У самых первых «людей» действительно имелись выступавшие клыки, располагавшиеся в очень массивных челюстях и служившие весьма опасным оружием, но они исчезли у современных людей, чей ряд зубов не способен нанести смертельные раны.

Как и у других животных, первым снаряжением человека становятся его физические данные. Коротко их можно обозначить следующим образом: руки и интеллект. Освобожденные от необходимости переносить на себе свои жилища, наши нижние конечности, ноги, превратились в деликатные инструменты, способные совершать поразительное множество тонких и точных движений.

Стремясь контролировать последние и связывать их с ощущениями, поступающими от глаз и других органов чувств, мы стали обладателями необычайно сложной нервной системы и удивительно большого и сложного мозга.

Как физические, так и умственные качества давали уже первым людям очевидные преимущества. Люди были более адаптивны и лучше приспособлены, чем животные, что давало возможность выживать в различных меняющихся условиях окружающей среды. Например, заяц, благодаря своей способности менять на зиму цвет шкурки, проведет зиму удобно и в безопасности на заснеженных склонах гор, но будет сразу же замечен в более теплых долинах.

Человек же при перемещении в местность с жарким климатом просто снимает свою теплую одежду и приспособляет свое одеяние к окружающей среде. Лапы кролика являются хорошим орудием для копания земли, но, в отличие от кошачьих, обладающих когтями, не могут быть эффективным оружием защиты. Человек же может изготовить орудия как для труда, так и для нападения и защиты.

Короче говоря, в ходе эволюции животные приспособились для осуществления ограниченного числа действий и жизни в соответствующих условиях, а различные орудия, изготовленные человеком, могут выполнять множество действий в почти любом окружении, хотя это и происходит далеко не всегда.

Препятствием служит тот факт, что человеку приходится учиться не только использовать свои орудия, но и изготавливать их. У птенца же, например, достаточно быстро вырастают перья, крылья и когти. Ему, конечно, приходится учиться их использовать, например уметь содержать свои перья в чистоте. Однако эти умения определяются унаследованными инстинктами и обучение не занимает много времени.

У детеныша человека подобные унаследованные от природы приспособления отсутствуют, и растет он гораздо медленнее. Круглые камни, лежащие на земле, сами по себе не становятся орудиями труда (рубилками, топорами и т. д.). Необходимо осуществить множество действий и затратить определенное время, прежде чем все сойдется в одной точке и звериная шкура превратится, например, в одежду для ребенка.

Даже простейший инструмент, изготовленный из отломанного сука или в виде обколотого камня, представлял собой продукт длительного опыта, состоявшего из проб и ошибок. Подмечались ощущения и результаты, они запоминались и сравнивались. Мастерство приходило с опытом.

Конечно, нас могут упрекнуть в преувеличении, но все же заметим, что любой инструмент представляет собой олицетворение накопленного опыта. Поскольку конкретный опыт запоминался, сравнивался, а общие изыскания одного рода систематизировались, точно так же, например, возникают и научные формулы, описания и предписания.

К счастью, ребенка не оставляют наедине с самим собой, чтобы тот накапливал опыт и самостоятельно проходил через испытания, совершая ошибки. На самом деле ребенок не

наследует при рождении физический механизм нервной организации и развития, отпечатанный в наследственной информации конкретных рас и народов и якобы используемый автоматически. (Во времена автора механизм работы и передачи генетического материала лишь начинал раскрываться учеными (только в 1953 г. Уотсон и Крик создали пространственную модель ДНК). – *Ред.*) Не говоря уже об автоматизме соответствующих телесных движений. Все приходит постепенно.

Вместе с тем ребенок является наследником социальных традиций. Его родители и наставники обучат его, как изготавливать и использовать орудия и приспособления в соответствии с опытом, приобретенным предшествующими поколениями. И конкретное орудие, которое человек использует, само по себе является всего лишь предметным выражением данной социальной традиции. Инструмент – это социальный продукт, как и человек – социальное животное.

Поскольку человеку предстоит слишком многое узнать, человеческий детеныш оказывается слишком деликатным и беспомощным, и это его состояние продолжается дольше, чем у детеныша любого другого животного. Физическое дополнение к обучению представляет собой упорядочение впечатлений и выстраивание связей между различными нервными центрами в мозгу.

Тем временем мозг продолжает расти. Чтобы соответствовать данному процессу, черепные кости, защищающие мозг ребенка, увеличиваются и твердеют постепенно, хотя и остаются соединенными между собой. Поэтому череп ребенка в процессе роста в отдельных местах весьма уязвим, так что ребенка легко можно убить.

Благодаря указанным взаимосвязанным причинам требующее помощи и поддержки детство затягивается, и для выживания детей (и своего) по крайней мере одна социальная группа должна держаться вместе, пока дети не вырастут. Именно поэтому у человека сложилась естественная семья, состоящая из родителей и детей, ставшая более надежным и продолжительным союзом, чем пары у животных, чье взросление происходит быстрее. Действительно, именно отдельные семьи, живущие вместе для лучшей защиты и самообеспечения, стали первым объединением, отличающимся от стада или группы животных. Вместе с тем до некоторой степени человек является стадным животным.

Сегодня в человеческих, равно как и в животных, сообществах старшее поколение передает с помощью образцов коллективный опыт, накопленный группой, и тот, что они, в свою очередь, узнали от старших и родителей. Обучение животных происходит с помощью примеров – так, подражая курице, цыпленок учится, как и что клевать.

Человеческому детенышу приходится учитывать слишком многое, поэтому для него имитационный метод оказался слишком медленным. В человеческих обществах обучение с помощью наставлений происходит параллельно с примерами. Инструментарий разработали постепенно, в ходе общения между членами человеческого общества. Ведя такую политику, люди породили новый вид оснащения процесса обучения, который можно вполне охарактеризовать как *духовный*.

Благодаря структуре гортани, мускулатуре языка и другим человеческим органам, общим с некоторыми другими существами, человек способен издавать весьма обширный ряд звуков, которые в техническом смысле называют *искусственными звуками*. Живя в обществе и обладая огромным мозгом, люди смогли наделить эти звуки *условным значением*.

Путем соглашения звуки стали *словами*, сигналами для действия, символами для предметов и событий, знакомыми другим членам сообщества (заметим, что аналогичное значение можно придать и жестам, хотя это и представляется менее удобным).

Точно так же и крики птиц, и блеяние овец обладают значением – услышав определенный сигнал, все члены стаи (стада) действуют соответствующим образом. Сигнал, по крайней мере, означает для них побуждение к действию, порождая соответствующий ответ в виде кон-

кретного поведения. Среди людей произнесенные слова (и, конечно, жесты) несут ту же самую функцию, но в более широком смысле.

Возможно, первые слова людей наполнялись значением по мере необходимости. Так слово *rewit* (*англ.* чибис) обозначает крик птицы, получившей свое название по указанному действию. Однако на самом деле большинство слов, использованных уже первыми людьми, вовсе не обладали видимой схожестью с тем, что они обозначали. Они оказывались *просто* удобными и получали свое значение механически, благодаря подразумеваемому соглашению между использовавшими их членами общества. Так происходит и в случае обозначения процесса, когда в ходе совещания группа химиков сходится в обозначении нового элемента. На самом деле все происходит гораздо сложнее.

Точнее сказать иначе, значение слов проясняется точно так же, как в случае обучения детей навыкам разговорной речи. По своей сути обучение навыкам речи означает приспособление ребенка к тем звукам, которые он извлекает. Это становится значительным добавлением к обширному списку вещей, которые приходится выучить человеческому детенышу.

Он, очевидно, испытывает физическое раздвоение, преодолеваемое благодаря хорошо организованной работе мозга. Поэтому при ранении головы человек может перестать понимать, что ему говорят, поскольку утратил способность соотносить слова со звуками. Уже в черепах древнейших людей отмечаются следы особого развития участков мозга в области речевых центров, так что язык кажется таким же древним и универсальным инструментом, как изготовленные древнейшими людьми орудия.

Язык сильно ускорил обучение людей. Так, в частности, мать способна показать своему потомку, что делать, когда приближается дикий зверь. Однако многие юные существа воспринимают подобные конкретные уроки как неизбежные! С помощью усвоенных ранее правил мать также способна представить, что будет, если дикий зверь приблизится, – перед нами явный способ обучения на выживание!

В целом же, подражая своим друзьям, вы учитесь, как действовать в конкретных случаях. С помощью языка вы способны научиться, как вести себя в критической ситуации, если та наступит. Язык является средством передачи социального наследия путем передачи опыта, сложившегося в результате проб и ошибок, показывая, что может произойти и что следует делать. Мозг собирает информацию, язык передает ее.

Через социальное наследование молодежь перенимает не только опыт, обретенный физиологическими предками (который, возможно, передается и «кровно» через биологическое наследие), но и тот, которым обладает вся группа.

Пользуясь одним языком, не только родители, но и все члены общества способны описать детям критические моменты своей жизни, рассказывая, как они преодолели их, что они видели, слышали, испытали и сделали. Опыт людей можно объединить. Освоение этого совместного опыта происходит и во время обучения изготовлению и использованию различных орудий и приспособлений.

Язык представляет собой не только инструмент традиции. Он воздействует на то, что передается. Общество принимает значение слова (или другого символа) практически по необходимости, поскольку такое значение представляет собой абстрактное понятие. Так, слово «банан» обозначает целый класс предметов, имеющих определенные свойства, видимые, осязаемые, обоняемые и, кроме всего прочего, вкусовые.

Используя слово, мы не принимаем в расчет и не воспринимаем, как не относящиеся к делу, количество пятнышек на коже банана, его положение на растении или в корзине, поскольку все эти качества относятся к любому конкретному банану, но не определяют его общих свойств.

Так и каждое слово, каким бы обширным кругом значений оно ни обладало, все же имеет абстрактное значение. По своей сути язык предполагает классификацию. С практиче-

ской точки зрения с помощью примеров можно точно выражать мысль и на основе конкретных рекомендаций совершать установленные движения.

Хотя обучение необходимым действиям происходит по аналоговой системе, остается простор для вариаций. Здесь поможет сравнение в виде контраста, существующего между ученичеством и университетским образованием. Поэтому заметим, что язык превращает традицию в рациональный фактор.

Способность к рассуждению определяется как «обладание возможностью решать проблемы, не проходя путем проб и ошибок». Вместо того чтобы попытаться сделать что-либо руками с вероятностью обжечь пальцы, вы ведете поиск в своей памяти, используя *идеи*, образы или символы действий, которые осуществляете.

И другие животные, не только человек, явно поступают так, как будто думают сходным образом. Увидев банан, находящийся посередине трубы, открытой с обеих сторон, но остающийся недосягаемым, шимпанзе сообразит, как протолкнуть банан палкой с одной стороны и затем схватить его с другой, не совершая никаких бесполезных движений, просто «размышляя».

Возможно, прежде чем решиться зацепить банан палкой, обезьяна представляла его в различных положениях. Однако ей все представлялось достаточно конкретно, нужно было всего лишь попытаться ухватить банан, а когда рукой это сделать не удалось, она взяла палку. Когда же речь идет о процессе мышления у людей, то нам становится ясно, что умственные способности человека намного превосходят требования любой конкретной ситуации, в какую может попасть любое животное. И в данном процессе язык, очевидно, играет более значимую роль.

Рассуждения и все, что мы называем мышлением, имея в виду и те моменты, что отличают шимпанзе, должны включать умственные операции с тем, что психологи называют *образами*. Зрительный образ, картина в мозгу, скажем, банана всегда схожа с конкретным бананом. Слово же, напротив, более абстрактное, очищенное от тех случайных фактов, что придает индивидуальность любому конкретному «банану».

Психический образ слов (картины звука и мускульных движений, связанных с его произношением) образует весьма удобный объект для процесса мышления. Ход мыслей с их помощью неизбежен и вызывает то свойство абстракции и обобщения, которых нет у думающих животных.

Люди способны как думать, так и говорить с помощью предметов, называемых «бананами», а шимпанзе никогда не двинется дальше того «банана в трубе». Именно социальный инструмент определил язык и внес свой вклад в то, что высокомерно описывается как «освобождение от конкретики и переход к абстракции».

Гораздо разумнее оперировать символами «в голове», а не вещами или действиями, существующими во внешнем мире. Удобно заместить слова символами, хотя никоим образом слова не являются только таковыми. Вы можете свести каждый символ вместе и соединить их некоторым образом в своей голове, не пошевелив ни единым мускулом.

Понятие «идея» обычно используется для обозначения того, на что указывают, обозначают или к чему относятся слова и другие символы. В этом смысле «банан» не обозначает то, что можно увидеть, потрогать, понюхать или даже съесть, но только образ «идеального банана».

Он вполне успешно представляет множество реальных съедобных бананов, даже если ни один из них не подходит к стандарту «идеального банана». Люди наделили названиями идеи, которые на самом деле нельзя увидеть, понюхать, потрогать или попробовать, как банан. Такие идеи, например, как двуглавый орел, мана (сверхъестественная сила, присущая некоторым людям, животным, предметам и духам – согласно верованиям народов Меланезии и Полинезии), электричество, причина.

Как и обозначающие их слова, они являются результатом общественного опыта, что позволяет обращаться с ними как с реальными вещами. На самом же деле понятия двуглавого орла, бессмертия или свободы оказывают на людей более продолжительное и глубокое воздействие, чем образ даже самого сочного банана.

Не вдаваясь в метафизические тонкости, общество одобряло и поддерживало идеи, вдохновлявшие подобные действия, так что они должны рассматриваться историками в одном ряду с конкретными объектами археологического исследования.

Практически идеи составляют столь же эффективную часть окружающей среды, как и горы, деревья, животные, погода и весь прочий внешний мир. Духовное окружение оказывает на общество такое же воздействие, как материальная среда. Поведение людей показывает, что они нуждаются в духовной среде так же сильно, как и в материальных орудиях труда.

Благодаря языку это «духовное снаряжение» не ограничивается идеями, которые могут преобразовываться в орудия и оружие, успешно контролирующие и преобразующие внешнюю природу. Оно включает также то, что часто определяется как социальная идеология, предрасудки, религиозные верования, привязанности и художественные идеалы.

Очевидно, что, преследуя идеологии и вдохновляясь идеями, люди осуществляют такие действия, которые никогда не наблюдаются среди других животных.

По крайней мере, 100 тысяч лет¹ тому назад странно выглядевшие существа, названные учеными неандертальцами, уже выработали ритуал погребения своих умерших детей и родственников, обеспечивая их едой и инструментами.

Сегодня каждое известное человечеству общество, остающееся на стадии первобытного развития, осуществляет определенные ритуалы, иногда излишне болезненные, воздерживаясь от доступных удовольствий. При этом руководствуясь и побуждаясь в своих действиях и ограничениях сегодня (и предположительно в прошлом тоже) социально санкционированными идеями того вида, что обозначаются нами как «бессмертие», «магия», «бог».

Подобные действия чужды всему остальному животному царству, поскольку животные не используют символический язык и поэтому не способны образовать такие абстрактные идеи.

Археологические находки показывают, что, например, кремни сотню тысяч лет тому назад отделялись с большей заботой и тщательностью, чем определялось их практическим применением. Все выглядит так, как будто их создатель хотел изготовить не только удобный, но и красивый инструмент.

Более 25 тысяч лет тому назад люди начали украшать свои тела и носить на шее раковины и бусины, изготовление которых требовало значительного труда. Сегодня по всему миру встречаются люди, выбивающие зубы, перевязывающие ноги, уродующие свои тела корсетами или подвергающие себя какому-либо уродству, стремясь подчиниться требованиям моды. И снова подобное поведение кажется свойственным природе человека. Именно оно обрамляет идеологию.

Так с помощью абстрактных идей люди подошли к тому, чтобы начать нуждаться в новом стимуле для своих действий, помимо таких общих потребностей, как удовлетворение чувства голода, сексуальных потребностей, гнева и страха. Все новые идеальные мотивы оказывались необходимыми для продолжения жизни. Идеология, далекая от очевидных идеологических потребностей, в биологическом смысле оказывалась полезной, то есть способствовала выживанию вида.

Без духовной вооруженности общество не только распалось бы, но и отдельные его члены утратили бы стремление к выживанию. «Разрушение системы верований» первобытных наро-

---

¹ Радиоуглеродный анализ показал обновление некоторых данных, то есть изменение 50 тысяч на 100 тысяч и 30 тысяч на 25 тысяч. (Примеч. авт.)

дов рассматривается специалистами как главный фактор, ведущий к их уничтожению в ходе взаимодействия с цивилизацией белых людей.

Вот что произошло с обитателями скалистого островка Эддистон (у южного берега острова Тасмания в Австралии. – *Ред.*): «Остановив практику охоты за головами, британцы тем самым запретили институт, составлявший основу их религии, что привело к всеобщей апатии коренного населения. Они перестали сопротивляться уменьшению населения острова».

Очевидно, что сообщества людей «не могут жить только хлебом единым». Но если «каждое слово, что исходит из уст Господа» не содействует прямо или косвенно росту и биологическому и экономическому процветанию общества, которое их порождает, то общество и его Бог неизбежно исчезнут. Именно этот естественный отбор показывает, что в плане *длительной эволюции* идеалы общества являются «всего лишь отображением материального в умах людей». Религия жителей Эддистона являлась движущей силой живущих и поддерживала в действии экономическую систему.

На практике «охотники за головами» сохраняли численность и активность коренного населения. Сказанное сделало улучшение материальных условий излишним и со временем позволило островитянам стать добычей британских завоевателей. Согласно распространенной точке зрения, социальная группа представляет собой идеологию, определяемую историческим отбором. Хотя приговор и может быть отсрочен.

Итак, идеология определенно является социальным продуктом. Но не только слова поддерживают идеи, произведенные в ходе жизнедеятельности в обществе, и поэтому сами по себе они нежизнеспособны. У идей также есть своя среда обитания, при принятии обществом они начинают определять поступки людей.

Даже верования, кажущиеся абсурдными, способны приобретать доверие, добиваясь, чтобы каждый член группы принял их и учился верить в них с младенчества. Никому не приходится в голову оспаривать то, во что верят все. У немногих из нас имеются большие основания, чтобы верить в одноклеточных, нежели в ведьм.

Наше общество насаждает первые верования и высмеивает последние, однако другие общества сохраняют за собой право на суждение. Конечно, ряд признанных экспертов видели одноклеточных в микроскоп. Но еще большее число специалистов в средневековой Европе и в первобытной Африке наблюдали за действиями ведьм. Преобладание нашего верования, бытовавшего в течение длительного времени, утвердилось. Проведем и другую параллель. Если в наше время антисептики и вакцины могут эффективно предотвратить эпидемии и таким образом изменить статистику социального роста, то в свое время подобную функцию выполняли заклинания и сожжения ведьм.

Не менее значительная функция идеологии заключалась в том, чтобы спланировать общество и обеспечивать его работоспособность, опираясь на технологию и материальное оснащение. Как и духовное вооружение, материальное оснащение остается социальным продуктом, порожденным социальной традицией.

Практически это означает, что производство и использование различных орудий и предметов также требует от членов общества совместных действий. Современные европейцы и американцы приобретают еду, жилища и удовлетворяют свои нужды в результате сотрудничества в обширной и весьма сложной эффективной экономической организации.

Вырванные из нее, мы почувствуем себя весьма некомфортно и, возможно, станем голодать. Теоретически «примитивный человек» с простейшими нуждами и более примитивными орудиями труда вполне способен приспособиться к новым условиям жизни. Практически даже самые грубые первобытные люди, живущие в группе, организовывались и сотрудничали, чтобы добывать еду и изготавливать орудия труда. Вместе они участвовали и в отправлении обрядов.

В частности, среди австралийских аборигенов мы находим разделение труда между полами, мужчины занимались охотой, женщины – собирательством, а также изготовлением одежды и сосудов. В этом объединенном сообществе встречается также разделение продуктов.

Даже исследователю материальной культуры приходится изучать общество как объединенную организацию, изготавливающую средства, удовлетворяющие ее нужды, необходимые для самовоспроизводства и новых потребностей. Он всегда хочет понять, как работала экономика этого общества.

Следует учитывать, что экономика воздействовала на идеологию и сама испытывала ее влияние. Согласно «материалистической концепции истории», экономика определяет идеологию. Другими словами: в ходе длительного развития идеология способна выжить только тогда, когда она способствует ровному и эффективному функционированию экономики. Если идеология станет препятствовать такому функционированию, то общество и вместе с ним идеология в конце концов погибнут. Нельзя долго задерживать процесс развития. Устаревшая идеология способна разрушить экономику и затруднять перемены дольше, чем допускает марксизм.

В идеале социальная традиция едина: современный человек теоретически является наследником всех предшествующих эпох, перенимая накопленный всеми его предшественниками опыт, что на самом деле далеко от реальности. Сегодняшнее человечество как общество не сформировалось в один день, оно делится на множество различных обществ. Все доступные свидетельства позволяют предположить, что подобное деление оказалось не меньшим, но даже большим в прошлом (насколько позволяют это сделать археологические изыскания).

Каждое общество, возможно, не только отличалось от других по языку, существовали также духовные различия и различия в сфере производства. Ведь продукт такого производства сохранялся, передавался и изготавливался в соответствии с собственными особыми традициями.

Сегодня особенно болезненна путаница языков, заметим, что каждый из них представляет собой продукт социальной традиции, сам воздействует на другие традиционные модели поведения и мышления. Менее знаком способ, с помощью которого несоответствие традиции воздействует на материальную культуру.

Скажем, американцы используют ножи и вилки иначе, чем англичане, что находит конкретное воплощение в различной форме самих ножей и вилок. Более локальный пример. В Ирландии и Уэльсе сельские рабочие используют лопаты с длинными рукоятками, в Англии и Шотландии рукоятки гораздо короче. В обоих случаях осуществляется одна и та же деятельность, хотя, конечно, с орудием обращаются по-разному, и, хотя данное различие связано в основном с удобством использования, оно отражает и различные социальные традиции.

Подобные расхождения в формах используемых инструментов и являются предметом изучения археологии, их можно проследить вплоть до отдаленного прошлого, когда никакие письменные источники не позволяли распознавать лингвистические различия.

Человекоподобные существа появились примерно четыре-пять сотен тысяч лет тому назад, расселившись от Англии до Китая, от Германии до Трансвааля. Мы можем только утверждать, что они жили небольшими по численности социальными группами, разбросанными по территории и изолированными друг от друга.

При подобных обстоятельствах легко ожидать, что у них должны были бы развиваться отдельные традиции в соответствии с различными климатическими и другими условиями, связанными с той окружающей средой, к которой им приходилось приспосабливаться.

Действительно, региональные различия отмечаются в изготовлявшихся ими орудиях и изделиях. Важно, что они не зависят ни от природы материала, ни от предназначения орудия.

Как и упомянутый выше случай с ножами и вилами в Англии и Америке, лопатами в Англии и Уэльсе, подобные различия в технической стороне и форме должны соответствовать различным развитым традициям и использоваться разными сообществами: группами, ордами,

«стадами», кланами, племенами или другими сообществами. Одна из главных целей доисторической истории состоит в том, чтобы выявить несколько социальных традиций, отраженных в археологических артефактах.

Археологи определяют объекты их изучения не только по функциям ножей, топоров, жилищ и гробниц, но и по различным «типам» ножей, топоров, жилищ и погребений. Различные типы ножей или гробниц выполняют одну и ту же функцию. Различия между ними определяются социальной традицией, предписывающей метод их изготовления и использования.

В каждой группе однородных предметов можно выявить совокупность типов, имевших хождение на определенной территории в определенный археологический период. Подобная совокупность типов орудий, свойственная данной территории, обозначается как археологическая культура. Археология как раз и занимается изучением взаимодействия подобных культур.

Разнообразие типов свидетельствует о множественности социальных традиций, управляющих их производством и использованием. Культура должна соответствовать социальной группе, которая определяет доминирующие обычаи и традиции.

Определение соответствия социальной группы какой-либо археологической культуре всегда достаточно сложно. Вместе с тем понятно, что, поскольку важнейшим средством для передачи социальной традиции является язык, подобная группа, несущая черты отчетливо выраженной «культуры», должна говорить на определенном языке.

Сегодня очевидно, что языковые различия не менее древние, чем различия в материальной культуре или погребальных обрядах. Доказательством этого утверждения является необычайное разнообразие языков и множество диалектов, существующих среди племен, чье развитие остается на уровне каменного века.

Аборигены Австралии, чье число определяется в 200 тысяч человек, говорят не менее чем на пяти сотнях языков. У индейцев, проживающих в Калифорнии на землях площадью около 400 тысяч квадратных километров, Кребер насчитал 31 языковое семейство и по крайней мере 135 диалектов. Как только человеческая речь начала фиксироваться в письменных документах, выявилось несколько лингвистических традиций, утвердившихся на сравнительно небольших территориях – египтяне, шумеры, семиты (аккадцы) и эламиты, связанные с определенными географическими названиями. По мере распространения письменности обнаружилось большее число новых языков – назили, лувийский, хурритский, протохеттский, финикийский, китайский, греческий, персидский, урарту, этрусский, латинский, кельтский – мы перечислили лишь самые известные. Языковая традиция заметна даже там, где, как первоначально кажется, коренной язык подавлен господствующим привнесенным извне, например английским.

Так, «следующая пятница» в Англии стала «первой пятницей» в Шотландии, когда вы пересекаете Атлантику, то «грузовой автомобиль» следует переводить как «грузовик». Традиция, которая способна противостоять стандартизированному воздействию письменного языка и беспрецедентным возможностям перемещения, часто опережает стремительно развивающиеся средства коммуникации. Лингвистические различия являются настолько же древними, как и культурные, которые прослеживаются непосредственно с помощью археологических артефактов.

Тем не менее культура и язык не нуждаются в соответствиях. Различия в материальной культуре между Данией, Англией, Францией и Германией незначительны по сравнению с различиями между датским, английским, французским и немецким языками. Материальная культура более постоянна, чем высказанные слова, проникновение и использование которых познаются через литературные образцы, равно как и через правила поведения. Однако если культура не представляет лингвистическую группу, то, как правило, местное сообщество людей, занимающее сравнительно постоянную географическую территорию.

Рассматривая культуры как некие единства в различных местах Земли, мы видим, что различия между ними кажутся менее спорными и более значительными. Их следует частично объяснить приспособлением к различной окружающей среде. Разнообразные виды низших животных обычно приспосабливаются к жизни при определенных климатических условиях, почвах и живущих здесь растительных организмах. Многие различия, те особенности, что отделяют один вид от другого, установились в ходе естественного отбора исключительно потому, что способствовали выживанию в особых географических условиях. Так, например, явно происходит с горным зайцем, меняющим цвет своей шкурки, тогда как зайцы, живущие в долинах, зимой не белеют.

Человек как вид физиологически не приспособляется ни к какому особому окружению. (Здесь автор не совсем прав. Человеческие расы приспособлены к разным географическим зонам, хотя, конечно, в современных условиях кондиционеры, обогреватели, технические средства и др. позволяют представителям разных рас без невероятных усилий существовать в заведомо не подходящей для них географической среде. – *Ред.*) Их приспособление достигается необычайным разнообразием и количеством орудий труда, предметов одежды, оснащением жилищ и всего прочего. Изобретая подходящие орудия и средства, человеческое общество само по себе способно выжить практически при всех условиях. Огонь, одежда, жилища и соответствующий рацион помогают людям (далеко не всем. – *Ред.*) претерпеть и арктический холод, и тропическую жару.

Материальная культура напрямую зависит от окружающей среды, ибо состоит из приспособлений, придуманных и созданных, чтобы удовлетворять потребности, вызываемые особыми климатическими условиями, чтобы пользоваться преимуществами местных источников пищи и обеспечивать защиту от диких зверей, наводнений или других особенностей конкретного региона.

В различных обществах вырабатывались разные приспособления и способы использования природных материалов в качестве пищи, топлива, укрытий и материала для изготовления орудий труда. У жителей лесов мы находим развитое искусство обработки дерева, плотницкие инструменты, деревянные дома, украшенные резным орнаментом. У степных народов с развитым скотоводством широко используются кость, искусство плетения корзин и обработки кожи, но они не могут обойтись без топоров и жилищ в виде шатров из шкур или землянок.

Приспосабливаясь к конкретным условиям, каждое общество должно было развивать и совершенствовать эти процессы. Однако, к счастью, соответствующие изобретения и открытия не ограничиваются регионами, где они были сделаны. Достаточно часто сообщества людей оказывались вынужденными мигрировать в районы, где были совершенно иные условия.

Мигранты не отбрасывали свой традиционный уклад, в то же время принимая то, что соответствовало их новому дому, поэтому традиции иммигрантов и местные традиции смешивались. И снова изобретения и открытия попирали границы локальных и лингвистических обычаев. Они могли, и так действительно происходило, смешиваться, переходя от одного типа общества к другому, несмотря на все пространственные и языковые преграды.

Богатством нашей собственной культурной традиции мы во многом обязаны смешениям, принятию нашими прогрессивными обществами идей, созданных многими предшествующими группами людей в ответ на различные условия и возможности множества регионов. Так, например, к основным употребляемым нами местным продуктам мы добавили пшеницу, ячмень, фрукты с Ближнего Востока, рис из Юго-Восточной Азии, кукурузу, помидоры, авокадо и другие растения из Северной Америки, бананы из Тропической Африки и т. д. Наша традиция, связанная с питанием, обогащается за счет всего мира.

Предыстория и история действительно позволяют показать, как в процессе формирования различий между обществами культура развивалась, становясь более разнообразной, отвечая различным историческим, географическим и идеологическим особенностям. Чрезвы-

чайно важна роль обмена между сообществами. При сильной культурной традиции сообщества стремятся сойтись в единый поток. Основное течение с постоянно растущей силой доминирует над всей дренажной системой, вбирая воды свежих источников. Культуры склонны впадать друг в друга.

Если наша собственная культура способна заявить, что войдет в основное течение, то только потому, что наша культурная традиция захватила и подчинила большую часть когда-то параллельно существовавших традиций. В исторические времена основные культурные потоки текли из Месопотамии и Египта через Грецию и Римскую империю, а затем и исламские страны в континентальную часть Европы, позже и в Америку. Одновременно происходило поглощение культурного потока из индийской, китайской, мексиканской и перуанской цивилизаций, бесчисленных первобытных культур.

С другой стороны, цивилизации индейцев майя и инков, окончательно прекратив развиваться, не сохранились, поскольку их «воды» влились в основной поток современной атлантической цивилизации. Впоследствии мы должны откровенно озаботиться течением основного потока, и хотя бы время от времени надо как бы со стороны следить за его обогащением за счет боковых притоков.

Таким образом оказывается возможным распознать кардинальные и действительно революционные инновации, которые сопровождаются такими изменениями в расселении людей, что надежные статистические данные вполне очевидны. Такие переломы в развитии человеческого общества соответственно используются, чтобы отмечать фазы или стадии в историческом процессе, которые мы предварительно обозначим ниже.

Первая стадия. История человечества началась примерно 500 тысяч лет тому назад (современные данные отодвигают время возникновения рода *Homo* (человека) до около 2 миллионов лет назад, когда появился *Homo habilis* (человек умелый). – *Ред.*), когда человек возник как редкое животное, собиратель еды, живший, как и все хищные животные, за счет других существ, за счет ловли и собирательства, то есть в полной зависимости от того, что предоставляла ему природа.

Уклад собирательства (и охоты. – *Ред.*), который Морган считает древнейшим в истории человечества, обеспечивший только источник средств существования, открытый любому человеческому обществу, охватывал примерно 98 процентов времени проживания человечества на данной планете, период, который археологи называют палеолитом, или древним каменным веком.

Геологи же называют соответствующий ему отдел четвертичного периода плейстоценом. Палеолит сохранился у некоторых племен, не перешедших на другую стадию развития и проживающих в джунглях полуострова Малакка, острова Калимантан, Амазонии, Центральной Африки, в пустынях Северо-Западной Австралии и Южной Африки и кое-где в Арктике. (Понятно, что современная (на начало XXI в.) картина несколько иная. Теперь подобные мелкие сообщества встречаются лишь в Амазонии и отчасти в Австралии (в последней охраняются и поощряются). – *Ред.*)

Вторая стадия началась примерно 10–12 тысяч лет назад, когда некоторые сообщества, впервые, очевидно, появившись на Ближнем Востоке, активно «сотрудничая» с природой, начали увеличивать запасы еды, доступные в результате культивации растений и разведения домашних животных.

Новая экономика, связанная с производством еды, определяемая Морганом как варварство, представлена в простейшей форме в тот период, который археологи определяют как неолит, или новый каменный век.

Однако по крайней мере в экономическом смысле неолит не соответствует данному периоду времени. Ведь маори Новой Зеландии продолжают по орудиям труда и экономике пребывать в 1800 году. (Маори заселили Новую Зеландию ок. 750–850 гг. н. э., а в 1800 г.,

несмотря на определенное знакомство с европейцами (Тасман в 1642 г., Кук в 1769–1774 гг. и другие мореплаватели), в основном пребывали в палеолите и занимались любимым делом, или людоедством, поедая пленников (в ходе междоусобных межплеменных войн и потерпевших кораблекрушение европейцев). – *Ред.*) Более того, многие общества экономически оставались варварскими, научившись использовать железные или бронзовые инструменты и оружие, хотя полностью промышленное использование по крайней мере бронзы оказалось возможным только после следующей экономической революции.

Третья стадия. Она началась в аллювиальных долинах Нила, Тигра и Евфрата, Инда, где примерно пять тысяч лет назад произошло перерастание некоторых расположенных вдоль рек деревень в города. Общество принуждало земледельцев производить запасы еды, превышавшие их потребности, концентрировало их запасы, используя их, чтобы поддерживать новое городское население специализированных ремесленников, купцов, священников, чиновников и управленцев. Как будет показано ниже, естественным и необходимым побочным продуктом этой городской революции, сопровождавшей цивилизацию, стало изобретение письменности, благодаря чему появились исторические записи.

Следует отметить, что, во-первых, первые две тысячи лет цивилизации совпадают с тем, что археологи описывают как бронзовый век, потому что медь и бронза стали единственными материалами, использовавшимися для изготовления орудий труда и оружия. И медь, и бронза были достаточно дорогими.

Излишки продуктов, производимых существовавшим сельским хозяйством благодаря орошению, теперь сосредоточились в руках относительно узкого круга священников и чиновников, чье ограниченное распределение ограничивало также рост городского ремесленного и торгового населения.

Во-вторых, ранний железный век, начавшийся с распространения экономически выгодных способов производства и обработки железа, примерно в 1200 году до н. э., означал и широкое распространение орудий труда и других изделий из металла.

В то же самое время на Ближнем Востоке изобретение алфавитного письма способствовало распространению письменности, остававшейся до этого таинством, доступным небольшому классу просвещенных чиновников. После 700 года до н. э. небольшие изменения в чеканке монет облегчили товарооборот.

В классической, или греко-римской, экономике использование подобных распространенных нововведений соединялось с возможностями дешевого транспорта, имевшегося в распоряжении жителей Средиземноморья, излишками продуктов, что часто было обусловлено региональными особенностями хозяйства, и излишками средств среди верхнего и среднего классов – купцов, финансистов и землевладельцев.

Все сказанное обуславливало значительный рост населения, по крайней мере в бассейне Средиземноморья, что, безусловно, подтверждалось относительным обнищанием и даже фактическим закабалением непосредственных производителей и ремесленников.

В-третьих, феодализм в Европе, привязав к земле до того полукочевого варварского земледельца, несомненно, изменил продуктивность умеренной лесной зоны. Он же освободил его от крепостной зависимости римского образца (навязав свою, возможно худшую. – *Ред.*). Система гильдий, обеспечивавшая свободу развития ремесла и торговли, дала ремесленникам и купцам беспрецедентный социальный статус.

Так со временем торговля и промышленность, накладываясь на более интенсивную и оседлую заселенность территории, продолжая использовать водные пути, способствовали беспримерному росту европейского населения.

И наконец, открытие Нового Света и морских путей в Индию и на Дальний Восток отворило для атлантической Европы мировой рынок. В обмен на массовое производство потреби-

тельских товаров население прибрежных районов Атлантики стало получать ресурсы со всего мира и развиваться благодаря постоянно увеличивавшейся эффективности экономики.

Резкий рост населения в Англии между 1750 и 1800 годами не только свидетельствовал о биологическом успехе новой буржуазной капиталистической экономики, но и ознаменовал наступление первой стадии промышленной революции.

Глава 2

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ ДИКОСТЬ

Первая глава человеческой истории все еще опутана естественной историей. В тех исследованиях первобытной антропологии, что нам известны, показано, что физическая эволюция человека связана с его телесными изменениями. Согласно данным археологии, изучающей первобытных людей, человек стал человеком благодаря труду и усовершенствованию необходимых ему орудий.

Как антропологические, так археологические источники охватывают примерно в сотню раз больший период времени, чем старейшие письменные источники. Происхождение человека и изготовление первых орудий следует датировать примерно пятью сотнями тысяч лет тому назад. (Современные ученые считают, что около 2 миллионов лет назад. – *Ред.*)

Подобные цифры весьма приблизительны и в любом случае настолько велики, что практически ничего не значат для большинства людей. Важно другое, и это окажется более полезным для дальнейших рассуждений, – человек замечает весьма существенные перемены в пейзаже и в очертаниях поверхности его планеты.

Так, например, во время плейстоцена Британия была присоединена к Европейскому континенту. Большая часть того, что сегодня называют Северным морем, возможно, было сушей, и человек мог плыть по тому, что сегодня напоминает Темзу, вплоть до ее впадения в то, что стало Рейном.

Основные горные хребты уже поднялись до того, как первые «люди» начали изготавливать свои орудия. Согласно одной из точек зрения, такие гигантские разломы, как Великая Рифтовая долина в Восточной Африке, уже существовали, когда люди заселили этот континент.

Катастрофические перемены в климате, безусловно, повлияли на всю Землю, три или четыре оледенения следовали одно за другим. В низких же широтах, где сегодня располагаются засушливые субтропические зоны, одновременно с оледенениями в высоких широтах отмечены длительные периоды проливных дождей.

Те снежные шапки и ледники, что сегодня покрывают горы Норвегии, во время оледенения постепенно росли, сползали в долины и, наконец, распространялись мощным ледяным покрывалом на равнины Северной Европы. Ледниковые щиты когда-то простирались и над Ирландией и Англией, соединяясь восточнее со скандинавским ледяным покровом.

Похожим образом (но в несопоставимых масштабах) сползают вниз в наше время альпийские ледники. А в прошлом те ледники, которые теперь обрамляют на вершинах гор Женевское озеро, сползали вниз, пока не достигли окрестностей Лиона. Сегодня ледники представляют собой своего рода ледяные реки, стекающие примерно на десять или двадцать футов (3–6 метров) в год.

В Гренландии и Антарктиде мы видим ледяные щиты наподобие тех, что покрывали Англию и Северную Европу во времена плейстоцена, они «текут» со скоростью около четверти мили (400 метров) за год. Так что остается только гадать, сколько времени потребуется льду с гор Шотландии, чтобы достичь Кембриджа, или сколько времени пройдет, прежде чем скандинавский лед накроет Берлин. Практически таким же медленным оказывался и процесс отступления, таяния огромных ледовых масс.

Итак, медленное таяние продолжалось. Климат становился теплее, так что теперь бегемоты и тигры смогли жить в Норфолке, рододендроны чувствовали себя как дома в Португалии и росли в Тироле. Но тут ледниковое пространство снова расширялось, и начиналось новое оледенение.

Большинство геологов допускают, что происходили четыре основных оледенения, разделенные тремя теплыми межледниковьями (интергляциалами). Другие допускают существование большего количества оледенений и межледниковий.

Тем временем человек стал свидетелем появления новых видов животных, но лишь немногим из них суждено было выжить в ходе естественного отбора. В первом межледниковье появилось несколько весьма любопытных существ: саблезубый тигр, небольшая трехпалая лошадь, южный слон, а виды, сохранившиеся со времен плиоцена, продолжали соперничать с новыми, постепенно их сменившими.

Чтобы выдерживать холод ледяных веков, слоны и носороги (мамонты и шерстистые носороги) обзавелись меховыми одеяниями. Подобные видовые признаки предположительно утвердились в ходе естественного отбора, сохраняясь на протяжении многих поколений. Примечательно, что слоны медленно воспроизводятся.

Самым любопытным из всех развивающихся видов оказался сам человек. Первые «люди» настолько сильно отличались по своей структуре тела от любой из рас современного человека, живущих сегодня на Земле, что зоологи относят их к отдельному виду или роду, отказываясь определять их научным термином, используемым для современного человека, – *Homo sapiens*. Они именуется гоминидами, то есть существами «похожими на людей».

Заметим, что за последние годы произошли существенные изменения в описании эволюции гоминидов.

Очевидно, что существовали промежуточные формы между обезьянами и людьми, и все выглядит так, что мы должны отступить в геологическом времени, чтобы обнаружить их общего прототипа.

Более ясные различия заметны между формами гоминидов, жившими в начале плейстоцена и в середине плейстоцена. Особенно тщательно изучались австралопитеки, среди признаков которых небольшой мозг сочетался с бипедальностью (передвижением преимущественно на двух ногах), чтобы их передние конечности оставались свободными и могли удерживать и использовать орудия.

С другой стороны, обнаружение в Олдувае в восточной части Центральной Африки части черепа гоминида с крупным мозгом вызвало сомнение в том, что австралопитеки выстраиваются в прямую линию предков человека, и в том, что они изготавливали орудия, с которыми иногда связывают их останки.

Отложения середины плейстоцена позволили с большей уверенностью подтвердить, что останки гоминидов в группе питекантропов имели объем мозга от 750 до 1100 кубических сантиметров. Однако на Яве не обнаружили артефактов, и только открытия в Северной Африке и в Северном Китае (стоянка Чжоукоудянь) позволили с уверенностью заявить о человеческой природе питекантропов.

Итак, самые древние останки гоминидов подтверждают, что между ними существует множество «схожих черт», более близких с обезьянами, чем с современными людьми, о чем я подробно писал в книге «Человек создает себя».

Питекантропы, обезьяноподобные люди Явы, обладали очень прочным, но весьма небольшим по объему черепом (в среднем около 900 кубических сантиметров) – промежуточная величина между мозгом шимпанзе и современного человека. Питекантропа отличали сильный наклон лба, уплощенность свода черепа, мощные массивные челюсти.

Питекантроп с острова Ява, возможно, соотносил звуки с их значением. Все же его нижняя челюсть не имела подбородка. В пещере Чжоукоудянь около Пекина нашли останки гоминидов, которых называли синантропами, они характеризуются теми же признаками, что и питекантроп.

Так в отложениях нижнего плейстоцена с помощью антропологических исследований обнаружили, как и следовало ожидать, появление видов и родов, занимающих в некотором роде промежуточное положение между обезьянами и людьми в полном смысле этого понятия.

Отметим, что документальных свидетельств, отражающих эту стадию, относительно немного. Раскопки осушенных территорий или земляные работы во время прокладки железнодородных путей, вскрывающие галечник древних рек или окаменелости периода плейстоцена, эрозионные процессы на морских побережьях и берегах рек часто позволяют обнаружить останки (обычно в виде костей) тигров, носорогов и мамонтов (в вечной мерзлоте, например в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке России, до сих пор находят замороженные туши погибших мамонтов. – *Ред.*).

Все же вплоть до конца последнего оледенения (в Европейской России – валдайское, которое происходило от 70 до 11 тысяч лет назад. – *Ред.*) известны только четыре неполных фрагмента останков гоминидов во всей Европе, хотя ученые и любители повсеместно ищут «недостающие связи». Отмеченные четыре фрагмента представляют гоминидов нашего континента во время так называемых 200 тысяч лет!

Азия оказалась более продуктивной. Находки на острове Ява и в Китае позволяют нам говорить о двадцати полных скелетах. И все же редкость останков людей подтверждает вывод, что во время первых тысячелетий своего бытования люди оставались весьма редкими животными. Малочисленные группы гоминидов, скорее всего, не воспринимались как серьезные соперники современным им мамонтам, пещерным медведям, тиграм и гиппопотамам.

Наш вывод никак не опровергается археологическими данными. Верно, что целую тележку инструментов, изготовленных первыми гоминидами, можно собрать на велдах между реками Оранжевая, Вааль и Замбези. Общеизвестно, что музейные хранилища во Франции и в Англии набиты орудиями гоминидов, раскопанными в сходных по времени отложениях. Вероятно, один гоминид мог за день изготовить и соответственно использовать и выбросить три или четыре подобных орудия. Поэтому несколько тонн изделий, охватывающих период в сотни тысяч лет при расчете года в 365 дней, вовсе не свидетельствуют о большом числе изготовителей инструментов.

Однако развитие орудий труда показывает, что их изготовители постепенно выделились из окружающего их животного мира. Понятно, что самое начало данного процесса установить невозможно. Важной и, возможно, решающей вехой стало освоение человеком огня, что позволило использовать в своих целях страшный «красный цветок», от которого в ужасе бежали другие обитатели джунглей. Бесспорным свидетельством использования огня являются остатки кострищ, с которыми обычно встречаются археологи при раскопках древнейших стоянок и жилищ. Так, в одном из первых известных обиталищ древнего человека (синантропа) пещере Чжоукоудянь вблизи Пекина обнаружили обугленные кости животных, указывающие, что уже синантропы поддерживали огонь и использовали его.

Точно так же и первые орудия, скорее всего, имели естественное происхождение, их только слегка дорабатывали, чтобы они лучше удовлетворяли потребностям человека. Если орудия изготавливались из дерева, то они безвозвратно исчезали для будущих исследователей. Те же, что делались из прочного камня, во многом походили на естественные сколы, так что их зачастую трудно выделить из окружающей среды. Споры археологов по поводу точного определения «эолитов» (осколков камня с острыми режущими краями) как раз и связаны с этой проблемой.

Переходя к этим новейшим находкам, следует подчеркнуть, что речь идет не об одном местонахождении, а об обширной зоне, охватывающей Африку, Центральную и Южную Европу, частично Азию. Это грубые рубящие орудия аморфного вида с одним или несколькими сколами. Датировка их варьирует в абсолютных цифрах от 2 млн до 1 млн лет, по геологической периодизации они относятся к эоплейстоцену в рамках четвертичного периода.

Именно на основании всех подобных находок выделена так называемая галечная культура, и термин этот укоренился в археологической литературе. Предложено уже несколько схем типологии галечных орудий, но ни одна из них не может считаться исчерпывающей.

С современной точки зрения только в середине периода изготовления этих орудий, в плейстоцене, мы встречаем те изделия, которые следует назвать бесспорными. Они представляют собой орудия из камня, обработанные продуманным и преднамеренным образом. Правда, их использование продолжает оставаться неопределенным.

Возможно, эти простейшие орудия (в Олдувае чоппер, камень-молоток, режущий отщеп, а несколько позже, в Ашеле, рубило, отщеп-скребок) применялись в разных целях и не предназначались, как в наше время, для особенных задач. Тогда грубо заостренные кремни служили разным целям, от расчленения туши животного до выкабливания волос с его шкуры или откапывания корней (а также разбивания голов – животных и оппонентов человеческого рода).

Техника обработки камня постепенно усложнялась. Важный шаг на этом пути был сделан, когда в употребление вошел новый инструмент – отбойник, игравший роль современного долота или тесла. Ударяя по нему другим камнем или деревянной колотушкой, мастер мог гораздо точнее координировать силу и направление удара. При этом скол получался длинным и тонким, а изделие принимало более правильную форму. Чтобы окончательно подчинить себе материал, человек должен был освоить технику, которая позволяла снимать лишние слои камня буквально по миллиметрам. При такой точности можно было придать заготовке любую задуманную форму. Это сделалось возможным, когда ударную технику стали дополнять отжимной.

Придав несколькими ударами камню подходящий вид, мастер откладывал колотушку и начинал действовать отбойником как стамеской, снимая лишний материал тонкими слоями. Эта работа совершенно не под силу современному человеку, который выжимает на динамометре в среднем не более 60 килограммов. Для того чтобы успешно справляться с отжимной техникой, рука человека должна была быть намного сильнее. По расчетам, неандерталец не уступал в силе нынешней горилле.

По всей Африке, в Западной Европе и Южной Индии излюбленными и самыми тщательно отделанными инструментами оставались те, которые изготавливались откалыванием кусков от крупных глыб камня, пока они не приобретали одну из четырех или пяти стандартных форм. Все произведенные изделия определяются как рубила или ручные скребки.

Кроме того, в Европе в отложениях ледникового периода (а также по всей Северной Евразии) мы встречаемся с так называемыми чешуйчатыми орудиями. Они состояли из тонких кусков камня, прикрепленных к общей основе, чаще всего деревянной. Их стремились просто подогнать друг к другу и не заботились о тщательной отделке, как в случае с рубилами.

Наконец, встречаем орудия, изготовленные синантропом, и первые орудия из Северной Индии и с полуострова Малакка, которые нельзя классифицировать как чешуйчатые орудия, хотя они рассматриваются как представители явного «рубящего» или «галечного» циклов.

Таким образом, перечисленные нами традиции отражают всевозможные потребности в разнообразных условиях. Однако все инструменты оказывались необычайно удобными и связанными с различными социальными традициями. Важно, что на изготовителей не влияли ни климатические факторы, ни особенности места проживания, за исключением специфики материала.

Они оказывались не менее поразительными, чем различия между основными циклами и единообразие и постоянство внутри их. Весьма примечательно, что одна и та же особенная форма придавалась рубилам, изготовленным от мыса Доброй Надежды до Средиземного моря и от Атлантического побережья до Центральной Индии.

В течение ряда оледенений (и межледниковий) различаются только незначительные варианты и улучшения, вносимые в небольшой ассортимент традиционных форм. В каждой части

ареала подобные разновидности следовали одна за другой в одном порядке. Все выглядело так, как будто среди пространно разбросанных групп установился некий вид взаимоотношений, идеи пересекались и технический опыт обобщался.

Наконец, многие орудия позднего времени, в основном относящиеся к классу рубил, отличаются необычайной тщательностью обработки и изяществом. Чувствуется, что затрачено больше усилий, чем требовалось просто для изготовления орудий, поскольку их авторы пытались изготовить нечто не только полезное, но и красивое. Если так и было, то инструменты, о которых идет речь, несут в себе и эстетическое значение.

В качестве примера приведем образец черепа из раскопа Олдувай II (с отметинами, нанесенными чоппером), у его владельца имелись низко расположенные надбровные дуги, по своему развитию он находился между питекантропом и человеком разумным. Черепа из Штайнхайма (Вестфалия) и Сванскомба в Англии обладают ярко выраженными надбровными дугами.

Величина мозга обладателей черепов из последних двух мест, однако, близка к величине мозга современного человека (это неандертальцы. – *Ред.*). Сказанное выглядит так, как будто эти люди с рубилами и каменными топорами, хотя и сохранили некоторые черты питекантропов, все же явно отличались по величине мозга.

Некоторые не вполне точно выраженные указания (несовершенная челюсть сомнительного геологического периода из Кенема, Кения, до затылочной кости черепа, найденного в галечной яме в Сванскомбе) позволяют предположить, что изготовители рубил и каменных топоров, возможно, обнаруживают большее сходство между собой, чем питекантропы или синантропы.

Вероятно, они являются нашими предками по эволюции. Правда, некоторые приписывают этот статус ископаемым останкам людей из Азии и даже *Homo heidelbergensis*, великолепному, но, к несчастью, неизвестному обладателю массивной допотопной челюсти, найденной в глубокой песчаной яме в Мауэре в Вюртемберге.

Следует признать, что все первые гоминиды оставались только собирателями. Рубила служили и для выкапывания съедобных корней, и как оружие для охотников.

Синантроп явно был плотоядным, кости животных из его пещеры, похоже, преднамеренно разбивались. Среди подобных костей оказались и кости гоминидов. Так что синантропов следует, видимо, признать каннибалами (как и всех остальных, включая неандертальцев и кроманьонцев. – *Ред.*).

Вероятно, все гоминиды на самом деле оказывались всеядными, ели все, что могли добыть. Самые значимые выводы им приходилось делать опытным путем, передавая знания с помощью социальной традиции, сообщая сведения о том, что съедобно и что ядовито. Их ошибки не отмечены в археологических записях, однако очевидно, что даже самые примитивные выжившие первобытные люди приобретали необходимый опыт и организовывали его, чтобы передать в виде традиции.

Выделение съедобных растений и животных, обнаружение приемов собирания или ловли, выявление благоприятного времени и сезонов стали первыми шагами по научному осмыслению явлений внешнего мира. В фольклоре обитателей джунглей мы находим сведения для ботаники и зоологии, астрономии и климатологии. Навыки поддержания огня и производства орудий способствовали формированию традиций, позже определившихся как физика и химия.

Только ближе к середине плейстоцена, то есть примерно 140 тысяч лет тому назад, археологическое описание жизни гоминидов становится четче, позволяя хоть как-то очертить их экономику. По мере того как приближалось последнее оледенение, люди становились искуснее, смогли изгнать других обитателей из пещер (например, пещерных медведей), ставших их настоящими домами.

Лучше всего известны группы первобытных людей, заселявшиеся подобным образом в Европе, относящиеся к любопытной расе, называвшиеся неандертальцами и отчетливо отличавшиеся от *Homo sapiens*. Хотя масса их мозга приближается к массе мозга современных европейцев, неандертальцы имели мощные надглазничные валики, покатый лоб и низкий свод черепа, челюсть огромная, отсутствие подбородочного выступа. Интересно, что тщательное изучение скелета из Ла-Шапель-о-Сен показало, что кости деформированы артритом. Сегодня установлено, что здоровый неандерталец стоял вертикально.

Многие авторитетные исследователи верили, что неандерталец представлял собой отчетливую разновидность человечества, приспособившуюся и адаптировавшуюся к жизни в условиях холодного климата и исчезнувшую, когда условия изменились.

Представлялось сомнительным, чтобы часть крови неандертальцев текла в венах европейцев или других современных рас. Однако недавно в Палестине, Южной Африке и на Яве обнаружили гоминидов, у которых проявлялось много черт неандертальцев, такие как надглазничные валики, покатый лоб и необычайно тяжелая челюсть.

Одни антропологи склонны рассматривать найденных гоминидов как тех, кто отражает в общем виде ступень в развитии *Homo sapiens*, другие видят в большинстве из них отклонившееся ответвление от основного стержня развития человечества, зашедшее в эволюционный тупик и затем вымершее.

Однако некоторые из палестинских останков явно обладают отличительными чертами, такими как рудиментарный подбородок, позволяющий предполагать, по крайней мере, скрещивание с *Homo sapiens*. Люди последнего типа продолжают существовать, изготавливая чешуйчатые и иные кремневые орудия во время последнего межледникового.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.